

Л.Г. Жданов

Наследие Грозного

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Л11

Л11 **Л.Г. Жданов**
Наследие Грозного / Л.Г. Жданов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-3305-3

В повести «Наследие Грозного» раскрывается судьба его сына царевича Дмитрия Угличского, сбереженного, по версии автора, от рук наемных убийц Бориса Годунова.

ISBN 978-5-4241-3305-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Г. Жданов, 2021

Лев Григорьевич Жданов
Наследие Грозного

Часть I

ДИМИТРИЙ-СИРОТА

ГОРОСКОП

Глубокая осень стоит. Октябрь на дворе. Печальная пора для всех. А печальнее всего теперь – во дворце царей московских, в палатах и жилых горницах царя Ивана Грозного, как его прозвали потомки. Мучителя, тирана, как звали современники на Руси и за пределами ее.

Печально тянутся дни и в термах дворцовых, на половине молодой царицы, Марии Федоровны, из семьи Нагих, – хотя именно теперь и есть причина веселиться и ликовать ей самой и всему роду ее.

Больше двух лет тому назад обвенчался Иван с молодой царицей. И не давал им Бог детей, не благословил этого брака.

Тоска овладела царицей. Плохие вести стали доходить к ней.

По старым обычаям, царь может свободно расторгнуть брак, если нет у царицы потомства. А Иван даже и переговоры завел с Елизаветой, королевой Англии, просит у нее в супружество племянницу, тоже Марию, Гастингс родом.

Посол Ивана, дворянин Федор Писемский, еще в августе 1582 года отправился ради этого сватовства и иных дел в Англию. В ноябре он представился в Виндзоре Елизавете, а в середине декабря, на втором приеме, повел речь и о сватовстве.

Но, на счастье русской Марии, ее далекая тезка заболела, в оспе слегла, по словам самой Елизаветы, и послу не смогли показать принцессы.

Да еще вопрос ему задали:

– А правду ли говорили наши купцы, только что прибывшие из Архангельска, что у вашей царицы Марии – сын родился?

Знал, не знал ли об этом Писемский, – но он решительно отрицал такое событие, причем пояснил:

– Государь Иван Васильевич по многим государствам посылал, чтобы невесту приискать. Да не случилось. И взял за себя государь в своем государстве простую боярскую дочь, не по себе. А ежели случится доброму делу быть, так государь наш, свою царицу оставя, сговорит за королевскую племянницу.

Но только месяца четыре спустя показали ему издали в саду Марию Гастингс.

Между тем купцы-англичане сказали правду.

В печальное осеннее утро, когда только занимался мутный день, когда потоки размывали колеи на остывшей земле, а порывистый ветер колыхал и трепал деревья дворцовых садов, – 19 октября, на рассвете, – родился у царицы давно желанный и жданный ребенок, мальчик. По имени святого, память которого празднуется в тот день, Уаром назвали царевича и дали потом, на молитве, второе, родовое царское имя: Дмитрия, удельного князя Углицкого.

Сам царь-отец заботами угнетен, враги зарубежные его стеснили. Едва с Баторием помирился на очень тяжелых и унижительных условиях, а тут шведы надели...

Сына старшего, женатого царевича Ивана, – совсем недавно убил он своею рукой в припадке безумного гнева, какие еще находят порой на больного царя.

Дома – тоже непокойно, внутри царства башкиры, черемисы бунтуют, ближние бояре не оставляют «крамолы», куют заговоры... Турки грозят, татары напасть готовятся... Царевич Федор наследник такой неудачный, что Иван даже переговоры завел, нельзя ли принца Эрнста Габсбурга посадить на трон московский.

Телом ослабел Иван... Болезнь, давно пожирающая его внутри, теперь готова наружу прорваться.

Духом совсем упал он, утомился. Руки опустились.

А тут сына судьба послала царю, как бы в утешение, – крепкого, здорового!

Правда, не на него, больше на мать похож малютка. Но такой плотный, крупный. Крикун неугомонный. И звонкий голос ребенка готов, кажется, вспугнуть черную, огромную птицу тоски и заботы, отчаянья и страха, которая опустилась на кровлю царского дворца, осенила свинцовыми крыльями сады и дворы кремлевские... всю землю Русскую, от края до края...

Почти разучился смеяться царь Иван за последние годы. Даже любимые шуты, уродцы и карлики не тешат его.

Только детский лепет и смех быстро растущего крепыша-царевича, его ясная улыбка, от которой двумя огоньками загораются темные, бойкие глазки, – только они и могут еще порою вызвать улыбку на хмуром лице царя.

Берет он мальчика, пытливо вглядывается в смуглое личико, словно хочет что-то прочесть там, узнать о чем-то затаенном.

О чем? Кто знает!..

Роберт Якоби, доктор, присланный царю Ивану королевой Елизаветой, оказался не только врачом, но и астрологом. В самую ночь перед появлением на свет Димитрия он улучил час, когда порывы ветра очистили немного небо, записал положение звезд и планет и на основании этих наблюдений составил гороскоп новорожденного царевича.

Когда Якоби явился для обычного утреннего осмотра к царю, первым вопросом Ивана было:

– А что, звездочет, готово ли твоё начертание звездное для царевича моего?

– Царевича?.. – смущенный, даже как будто опечаленный, ответил доктор. – Неудача, как назло, приключилась, государь. Сам знаешь, какая непогода и сейчас бушует. А ночью – руки своей не увидел бы никто в темноте, не то что светил небесных. Не вышло ничего, государь.

Слушает нахмурысь Иван.

За сорок лет своего правления, принимая всяких послов иноземных, а больше всего – немецких и английских, подучился он чужой речи, почти все понимает, только сам не умеет говорить.

Не успел Богдан Бельский, служащий переводчиком, заговорить, как Иван, хмурысь, возразил:

– Ничего не вышло, говорит? Лжет! Скажи: уж мне доложено... знаю я от Ягана, которого он для помощи брал... Там больно нерадостные знамения обозначились. Что поделаешь, воля Божия. Скажи: меня уж трудно чем поранить. Все тело, душа вся в язвах... Места живого нету... Так пусть говорит. Доброе не знать – тяжелее, чем дурное услышать. Знать все хочу! Скажи.

– Ну, коли так, – я повинуюсь! – с поклоном произнес осторожный прорицатель, добыл из кармана небольшой сверток, развернул его перед царем и стал

говорить, вода по чертежу бородкой гусяного пера, взятого с чернильницы, стоящей тут же: – Вот Арес, иначе Марс называемый. Кровавая планета – выше всех поднялась. Много крови вокруг ребенка вижу... И сам он целые моря крови прольет... Красное блистание Ареса превосходило всех. Кровавое дитя родилось, как думать я могу. Тут Геракл и Венус в треугольном сочетании с первой звездой. Войнами прославится дитя больше всего и от любви много приключений узнает, но печальный конец их ждет. Вот Сатурн сторожит на одной линии с этими двумя – и тем всякую добрую надежду отымает. Два раза перекрещивается линия Хроноса с Альдебараном и Альфой Овна. Будет дважды на троне сидеть царевич, дважды достигнет высоты, дважды родится... Дважды умрет...

Иван сначала слушал предсказателя с легкой улыбкой недоверия, но при последних словах слегка вздрогнул и насторожился.

Суеверный, как все люди его времени, Иван часто замечал, как люди надувают других, пользуясь такой слабостью, и это делало его очень недоверчивым.

Что бы ни делали и ни говорили ему, он прежде всего старался понять: с какой целью говорится это? Чего ожидают от него, какими расчетами вызваны известные действия?

В настоящем случае, как понимал царь, Якоби хотел блеснуть своими познаниями, побольше почета, внимания и денег надеялся заслужить.

Неожиданно пришлось говорить не то, что ласкает слух покровителя. Средство угождения, каким является счастливый гороскоп, – могло обратиться в источник разлада с ним, с Иваном.

И все-таки пришлось сказать то, что шептали звезды.

Но почему именно такие странные вещи предсказывает «немчин»? Не мог же он читать в душе Ивана...

А между тем, только зная планы царя, можно было заговорить о двойной смерти... о двойной жизни ребенка...

Именно двойственную жизнь задумал Иван создать для Димитрия. И никому еще не говорил об этом. Пора не настала. Откуда же проведаль иноземец?

Или в самом деле далекие, тихо мерцающие светила, звезды небесные – связаны таинственной нитью с жизненными путями, с судьбой жалких созданий, живущих на этой темной земле?

Задумался об этом царь и уже почти не слушает прорицателя.

Да тому немного и договорить осталось. Обычные для всех царственных гороскопов предсказания сообщает Якоби:

– Принцессу очень могущественную, в супруги получит царевич. Много союзов важных заключит. И завоеует большое царство. А под конец жизни – сам против себя войною пойдет... Вот эта линия – снова прямо к Аресу возвращается. И очень юным от меча падет царевич.

– На свое царство – войною? Падет от меча? – снова вслушиваясь в речь Якоби, переспросил Иоанн. – Постарался, начертил, вещун долговолосый... Спасибо молвить бы, да не за что! Все ли? Может, еще что нашел? Дальше чем порадует?

– В пустоте обрывается последняя линия. Некуда перекинуть ее... Не оставит потомства дитя по себе...

– Пресечется род, значит? Э-эх, стоило бы твой бусурманский корень вывести за карканье, козел длиннобородый... Да сам я выложить правду дочиста прика-

зал... не твоя вина, что и светила небесные против нас и рода нашего ополчаются... А и то сказать: от слова – не сбудется. Ты черти свои чертежи, лай что хочешь. А мы себя и наследье наше – предаем воле Божией. Вражье лепко, – что говорить, – да Божье крепко!

И, вставая, Иван осенил себя сугубым крестным знамением.

Якоби, видя, что прием окончен, с низкими поклонами удалился.

У ЦАРИЦЫ

Несколько месяцев прошло с этого утра.

Крепнет малютка и веселит отца.

То было совсем почти не заглядывал Иван к царице, а теперь и на дно раза по два заходит, навещает опочивальню, отведенную для царевича, всегда окруженного целым штатом женской прислуги.

Здесь и матушка-боярыня Василиса Волохова, пожилая, дородная, чванная такая.

Ребенка держит на руках кормилица, Арина, Жданова по отцу, жена боярина Тучкова, – некрасивая, но молодая, здоровая, кровь с молоком, женщина тихая, добрая. Скучает только: своего сына пришлось на чужие руки сдать ради чести царевича выкормить.

Берет на руки малютку царь и все всматривается в смуглое, живое, круглое личико. Уж не ищет ли на нем признаков, отметок роковых, говорящих о том же, о чем сказали звезды? Или иное что хочет узнать государь?

А ребенок тянется ручками к отцовской бороде, к поределым, но длинным еще усам, тербит их, смеется, лепечет что-то...

И прежней, забытой, ласковой улыбкой озаряется угрюмое лицо Ивана. Так осенью сквозь тяжкие тучи прорывается порою закатный солнечный луч и озаряет рдеющим отблеском темные, влажные от непогоды кресты на печальном кладбище...

Приласкав ребенка, прошел с царицей Иван в ее повалушу.

Жарко, душно здесь.

Молода, красива собой царица, но уж чересчур ленива. Полнота ли тому причиной или от природы она такова, – а не любит передвигаться, шагу лишнего не ступит без особой нужды.

Впрочем, это общий недостаток знатных женщин ее времени. За полноту, за дородность ценят мужа их больше всего. А чем меньше двигаться, чем чаще и больше есть, тем тело скорее нагуливается.

Уселся Иван, выслал прислужниц, жене сесть поближе приказал.

– Что, Марьюшка, словно невесела ты нынче? – спрашивает он ее. – Гляди, так потончаешь... Ха-ха...

– А с чево и веселой быть, государь? Кажись, только и мысли и думы моей: тебе бы угодить, свет батюшка. Вот и Господь молитвы услышал мои грешные: какого царевича нам послал, на многие лета ему, нам на утешение! А ты, государь мой, все о том мыслишь: избгьтсья бы меня... Вон, слышно, все за бусурманку сероглазую сватаешься. Меня и вон погонишь! Бедная я, горемычная... Куды с младенчиком денуся, где приклоню голову, сирота бесталанная, вдовица убогая?..

– От мужа от живого? Полно, буде. Уж запричитала, захныкала. Не стану и ходить к тебе, коли ты так... Молчи! Вот и ладно... Оботри слезы-то. Улыбнися

лучше. Знаешь меня: не сношу я реву бабьего. Тошно мне от плачу, от писку вашего! Не думаю я гнать тебя. Толкуем мы с Лизаветой с королевой. Да на то – особливые причины есть. Не твоего тут разума дело. Государское строительство вершится. Сказать – много можно. Пускай думает, что уж так я к ней душой тянусь. А она на ответ многое сделает, что мне надобно. Поняла? Что глядишь! Ничего не поняла. Э... да все равно. В думу тебя не посажу. И здесь, в повалуше, хорошо живешь. А вот об ином деле потолковать с тобою надо, которое ближе к тебе, чем та принцесса. О сыне сказать хочу...

– Слушаю, государь, ох слушаю... Да только ты, гляди, чего страшного не скажи. Я и обомру начисто. Уж коли у тебя брови хмурятся... да вот так подмаргивать ты зачнешь, наперед знаю: либо гневаешься, либо что особливое сказать хочешь. Сон я ноне плохой ви...

– Ну, буде! Сны еще станешь мне тут... на бобах не разложишь ли? Говорю: дело важное. Знаешь ты небось, как недруги, свои предатели-крамольники злобою пыгут... Только и думают извести бы им меня, государя, и весь род наш...

– Ох ведаю, государь, ведаю... Сама я собиралась сказать тебе: боярыня Пра...

– Стой! Слушай, что скажу... да помалкивай хоть малость. Ну и язык у тебя, Марья! Толстый такой, а как ворочается. В нем у тебя вся пруть и сидит, как я вижу... Цыц! Слушай... Чай, знаешь, какое прорицание звездное начертил Робертус-лекарь Димитрию нашему?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Чур меня, чур! Наше место свято! На его бы голову, бусурмана окаянного! Беду накликает, нечистая сила! И тебя, государь, с пути сбивает!

– Ну, еще чего придумаешь! Ты слушай! Слыхала, поди, был уж у меня перенец, Митя тоже... от покойницы, от Настасьи... Помяни, Господи, душу рабы Твоея!

– О-ох, знаю... И то мне уж боязно, что имя-то такое неудачное моему сыночку дадено... Тот Димитрий чужь и годочку не пожил... помер...

– Помер?... – вдруг, бледная и сжимая зубы, как будто от ощущения внезапной боли, проговорил Иван. – Не помер! Загубили... отравили... со свету сжили, окаянные... В те поры – брата, Володимира, в цари на мое место ладил. Так не хотели и корня моего оставить... Окаянные!

– Господи! Неужто ж на младенчика, на душу ангельскую, рука у людей поднялася!

– Поднялася! Почитай, у меня да у Насти на очах все и свершили... Чуял я уж беду. С покойницей мы сговаривались: как приедем на Москву – укроем подале царевича. Чтоб никто не прознал, – себе иное дитя, чужого возьмем... А как окрепнет наш – привезу его да покажу недругам: вот, мол, ваш государь будущий... Чужого если бы извести им удалось – так не жалко! Ха-ха-ха! Все было надумано... Да упредили вороги, в пути младенца извели. Ваню удалось поднять мне, так напустили на меня же порчу... своей рукой его...

Он не договорил, закрыл лицо и долго оставался так без движения.

Сидела и царица не шевелясь, напуганная, бледная.

ЛУЧИ ЗАКАТА

Когда наконец царь, тяжело дыша, открыл лицо, усыпанное крупными капля-

ми пота, и стал отирать его, Марья спросила робко:

– А как же... Федя? Вот, не случилось же ему ничего... Живет царевич, дал Бог милости...

– Этот-то? Что он им! И живет – как не живет. Кто захочет, тот и будет царем при Феде... Разве это мой отрод?! Так, Божие наказание... за все окаянства за мои... Молчи, говорю... Не поминай мне лучше. Слушай ты, – смиловался Господь. Дал нам дитя здоровое, смышленное. Видна уж вся складка у малого. Скоро весна придет. От солнца, от воздуху вольного он и краше расцветет, поди, чем ныне...

– Ох расцветет мой цветик, даст Господь, расцветет мой аленький... Ангелы Бо...

– Ну вот... и надумал я... – Иван сразу понизил голос. – Не дадут наши вороги и этому жить, как Мите первому не дали... Я молчу уж, а вижу все... Куют ковы бояре неугомонные... Пуще всего – Шуйские... да Сицкие, да Шереметевы, да все присные с ими! И удумал я теперь так наладить, как в давние годы надумано было. Возьмем где-либо схожего младенчика... За своего выставим. А родного, Митю, – укроем до времени, пока вырастет. Изведут если вороги наши чужого, так не жаль. А там, сам буду жив, – выведу царевича, посмеюсь над лиходеями. А помру без времени – и того лучше, ежели укроем мы до поры сыночка... Разумеешь, Марьюшка?

– Разумею, как не разумею, государь! Дура я, да уж не такая, чтобы про дате свое ничего не понять. Разумом не смогу – сердце матери вещун. Оно скажет. Отнять у меня сына надумал, государь... убрать его, куда – неведомо?! Самому бы вольнее было на Машке на Гастинковой ожениться! Так ежели при царевиче, – и отец митрополит с отцами святыми, и бояре, гляди, скажут: «Негоже жену, ни в чем не повинную, вон гнать!» А не станет царевича – на что и я нужна! Уразумела, государь.

Стоит, даже словно выше ростом стала царица, последний поясной поклон отдала, выпрямилась – и застыла так: горящих глаз не сводит с мужа.

С досадой поднялся и царь, сердито посохом стукнул. Так и впилась сталь острия в половицы...

Тот самый посох в руках Ивана, которым он Ивану-царевичу нанес смертельную рану около года тому назад.

– Слушай! – начал было Иван.

Но, взглянув в лицо Марье, он прочел в нем такую решимость, такое ограниченное, но неодолимое упорство, какое можно встретить только в душе у женщины, живущей больше инстинктом, чем сознанием, – убить можно такую женщину, но не переубедить.

Опостытели кровь и убийства самому Ивану.

С досадой махнул он рукой и вышел, ни слова больше не сказав царице.

А Марья Федоровна, с необычной живостью и быстротой, направилась к Димитрию, взяла его у кормилицы, стала целовать, прижимать к груди и шепотом запричитала:

– Не отдам я тебя, ненаглядного моего, никуда, никому на свете... Ото всякого зла и напасти оберегу... Миленький, солнышко ты мое, дитячко мое роженное! Ото всех бед укрою... Жизнь на то положу...

Подойдя к иконам, упала на колени и, подымая ребенка к лику Богоматери,

зашептала:

– Охрани Ты его и меня, Пречистая Матерь Бога Нашего, за всех перед Богом Заступница!

Но не удалось царице осуществить своего решения, не помогли ей ни молитвы, ни обеты, которые она твердила перед ликами святых день и ночь.

Попытался было Иван с другой стороны повлиять на царицу. Брату ее, Михайле, самому рассудительному из всей родни Нагих, он открыл свои замыслы, просил потолковать с упрямою сестрою.

– Не бывать тому! – ответила царица Марья. И повторила все то же, что говорила мужу.

– Дура ты, хоть и царицей стала, – отрезал ей раздраженный Нагой. – Ты о том бы хотя помыслила...

– Хоть дура, да умнее тебя! Обо всем я помыслила...

– Досказать дай! Твое царское величество о том бы подумало: сын, хоть и другой, – останется при тебе. Никто знать не будет, что не Митя это твой... И отец митрополит, и иные, кого поминаешь ты, – не скажут же, что бездетна ты, коли царское дитя при тебе! Ну, уразумела?..

– А-ах, чем порадовал! А ты не знаешь, каков у нас государь? Не слыхал? Глазами не видал своими? Я уж додумалась... Он не то станет ждать: не изведут ли бояре младенчика, – сам повелит своему лекарю, бусурману какому-либо... Живо уберут чужое дате. Вот я и ни при чем... И вон меня...

– Господи, хитра как ты стала! Да коли бы так, он и теперь может...

– Что? Младенца убить? Своего – пожалеет. И греха великого побоится. Буде с него, что одного сына забил... Как поминает его, трясется весь, ровно Иуда, пес старый... А чужого не пожалеет. Свой пусть где-нибудь растет! И от меня руки его будут развязаны... Выходит, ты – глупей меня, дуры, братец родимый... Каково дело-то!

Пришлось и Нагому зубы сжать, чтобы не разразиться бранью, и уйти без всяких результатов.

– Не хочет? Ну и Бог с ней... Материнское сердце, оно и то сказать, – добродушно заметил Иван, выслушав доклад Нагого. – Пусть по ее будет!

Не понравилось это добродушие, такая уступчивость Нагому, который успел понять Ивана; он знал, что новый, более сильный ход придумал царь для выполнения своей воли. И захотелось вызнать Нагому: в чем этот ход.

– Твое дело, государь, – вкрадчиво заговорил он, – а моя такая дума: коли решил супруг и государь, – как же она смеет поперек что молвить?! Приказать бы изволил... Мне скажи... Я вырву у ей...

– Это чтобы крику не то что на всю Москву – на полземли слышно было? Нет, прискучили мне все крики да причитанья. Покоя я хочу, Михайлушка... Стар стал... ослаб, сам видишь. Баба, жена богоданная, – и та меня не слушает... А прежде бывало... Э, Бог с ней! Так, видно, надо... Иди с Богом, Михайлушка. За послугу спасибо. Не забуду и я тебя... Ступай себе.

Так еще несколько недель прошло.

Опасение за царевича, желание укрыть его стали теперь почти единственными чувствами и стремлениями царя.

– Эх, Малюты нет у меня; вот уж сердечный был раб! Вернее пса, кремня надежнее. Он бы живо уладил все!